

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ АГИТБРИГАД
К ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ

Составители сборника

В. А. Ситов

А. В. Бадаев

ИЗДАНИЕ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ И КИНОФИКАЦИИ
ВОЛОГДА 1942

СКС/201

I. ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ МОНТАЖ К ПОСЕВНОЙ

Составлен В. А. Ситовым

МАРШ-ПАРАД

Все

Смерть немецким оккупантам!

2-й ведущий

Начинаем выступление агитбригады
нашего колхоза (дома культуры, избы-
читальни и пр.).

1-й ведущий

Товарищ Сталин сказал: «...Необходимо,
чтобы наши колхозники, мужчины и жен-
щины, работали на своих полях не покла-
дая рук, не давали бы фронту и стране
все больше и больше хлеба, мяса, сырья
для промышленности».

2-й ведущий

Наш номер посвящен большевистскому
весеннему севу.

(Выходят участники агитбригады, гово-
рят по голосам).

Первый

В дни войны с проклятыми фашистами
сплачивайтесь для побед дружнее!

Второй

Поднимайся песня голосистая
Над простором родины моей.

Третий

Слово большевистское поднимем
И его, как знамя, понесем.

Четвертый

Славим Сталина родное имя,
Нас ведущее к победе над врагом!

(Физкультурная пирамида с портретом
товарища Сталина и красными флагами).

Коллективная декламация

(Под маршевую музыку)

Близка весна колхозная,
Весна недалека.
Народ шагнул силой грозною
Поднялся на врага.
Стахановцы, чей знатен труд,
В ряды героев встали.
— Работайте, не покладая рук,—
Вас призывает Сталин.

И, отвечая горячо
Родному полководцу,
Вставайте все к плечу плечо
За урожай бороться.
Работа заклипит в руках
У люда трудового,
И будет хлеба в закромах
У государства много.
В полях, ты севе боевом,
Веди работу в сроки,
Готовь победу над врагом,
Коварным и жестоким!

1-й ведущий

Слушайте наш монтаж! В нем есть
передовая статья, спешки, частушки.

2-й ведущий

Все ли готово?

Все

Все готово!

1-й ведущий

Внимание, мы начинаем!
(Марш. Се участники уходят. Ведущий
объявляет о следующем номере).

ПЕРЕДОВАЯ

„Дадим для страны и армии больше продовольствия
и для промышленности сырья“

1-й ведущий

Стахановской работой в колхозе помогай героической Красной Армии истреблять немецких оккупантов!

Коллективная декламация

В атаку пошли боевые гвардейцы,
Фашистских злодеев круша на бегу.

Матросы,

летчики,

красноармейцы

Удар за ударом наносят врагу.

На фронте сыны городов и пашен

Идут, наступая в огне атак,

Освобождая селения наши

От грязных фашистских собак.

Весной на поля выезжая,

Пойдут трактора целину раздирать.

Чтоб хлеба и корма в достатке собрать.

Нам Сталин сказал:

— Для фронта давайте,

Побольше хлеба, мяса, сырья...

Товарищи!

Вызов вождя принимайте,

Дружнее работай, колхозов семья.

1-й ведущий

Мы победим! Порубой этому великое
нарушимое единство советского тыла и
родной Красной Армии, идущей под водителем
родного и любимого товарища
Сталина от победы к победе!

По голосам:

1-й голос

Работы ударной требует фронт, —
Плугам и селкам нужен ремонт!

2-й голос

Ни у кого не вызывает сомнения,
Что урожаем речнают удобрения!

3-й голос

Чтоб больше хлеба имела страна,
Готовь хорошие семена!

4-й голос

Часы экономя, ни дня не теряя,
Готовьте высокие урожаи!

2-й ведущий

Товарищи колхозники и колхозницы!
Помните, что Красная Армия ведет героическую борьбу против фашистов и ждет от вас самоотверженной работы по подготовке и проведению весеннего сева.

Коллектив

(Песня „Марш трактористов“, музыка И. Дунаевского, с измененным текстом)

1. Ой, вы кони, вы кони стальные,
Боевые друзья-трактора,
Веселее гудите, родные, —
Нам в поход отправляться пора.

П р и п е в:

Мы с чудесным конем
Сев быстрее проведем,
Красной Армии нашей поможем.
Будем печить дрова,
Подлых вырождаков бить,
Оккупантов везде уничтожим!

2. Ой, вы кони, могучие кони,
Ой, вы кони, стальные бока.
Мы за счастьем поедим в погоню,
Мы осилим фашиста врага.
П р и п е в.

3. Враг коварный на наших дорогах
Будет бит и костей не соберет.
Встал на битву и грозный и строгий
Наш хозяин — советский народ.

Пр и п е в.

1-й ведущий

Товарищ Сталин говорил: «Женщины в колхозах большая сила!» Товарищи колхозницы! От вас зависит успех подготовки к севу и высокий урожай. Заменяйте мужей, сыновей, братьев и отцов, ушедших на фронт!

Женский голос

— Девушки-подруженьки,—
Маша говорит,—
У меня товарищ был,
Славный тракторист.
Парень был хороший он —
Лучше не сыскать.
Он меня на тракторе
Выучил пахать.
С ним мы попрощались —
Он уж на войне,
А свою машинку
Передал он мне.
Стала трактористкой я
И, пока он там,
Как на фронте, буду здесь
Стражем по полям.
Пусть он тальком вытончет
Подлых палачей,
А я здесь работаю

И не сплю ночей.
Ешь, танкист, мой хлебушек,
Вращенный мной,
Чувствуй нашу силушку
За своей спиной.
Охраним от врагов
Вольные поля,
Защищаем родину
И танкист и я.

2-й ведущий

Изучайте трактор и комбайн! Приобретайте квалификацию трактористов и механиков!

1-й ведущий

Овладеем опытом наших передовиков и участников сельхозвыставки, изучим и смело применим передовую агротехнику!

2-й ведущий

Послушайте выступление передового бригадира (колхозника) нашего колхоза о том, как он подготовился к весеннему севу. (Вставляется местный материал о жизни своего колхоза: Как у нас была организована подготовка к посевной. Что нами было сделано: по семенам, по удобрению, по ремонту машин и пр. Кто оказались лучшими в бригаде? и т. д.).

1-й ведущий

Товарищ, запомни! Работа большая
Еще предстоит впереди.
За тошны высокого урожая
Борьбу ежедневно веди!

ЗА ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ

Широ, улица, раздайся,
Тракторам дорогу дай!
Приказал бороться Сталин
За высокий урожай.

Расширяем мы посевы,
Поработаем весной,
Заготовим больше хлеба
Красной Армии родной.

Все мы выполнить готовы
Лозунг нашего вождя —
Соберем для государства
Тонны лучшего зерна.

Для родной страны советов
Мы распашем целину,
Встретим, встретим дружным севом
Большевикскую весну.

Все внимание и заботу
Основному делу —
Подготовимся получше
К весеннему севу.

Будет летом полный колос
И обильный урожай —
Только раннею весной
С посевной не прозевай.

Вет вьюга, снег несет,
Ну, и пусть — не страшно.
Снег задержим на полях,
Будет хлеб прекрасный.

Мы щиты в полях расставим —
Снег нам надо удержать,
Вьюгу белыми коврами
Зябь заставим одевать.

Подготовили мы сбрую,
Подготовили коня,
Накопили удобрения,
Повезем их на поля.

Заиграй сильнее, гармошка,
А ты, Маша, запевай!
Мы собрали удобрения,
Чтоб повесить урожай.

Зря не тратить ни минуты,
Недальек приход весны —
Мы ударною работой
Урожай поднять должны.

Целый день ремонт идет —
Сошники, подковы,
Скоро сев у нас пойдет.
Мы к нему готовы.

По-стахановски раб
Лучше поле удобряй,
Обработкою хорошей
Поднимаем урожай.

Взял ты трактор или плуг,
Действуй ими ловко:
Как на фронте брат и друг
Действуют винтовкой.

Сортируйте семена,
Проверяя на всхожесть,
Обеспечить урожай,
Знай, — всего дороже.

Семена у нас готовы,
Чистые, протравлены;
Плуги, бороны в амбаре
Все дежат исправные.

Сорняки мы уничтожим,
Влагу сохраним зерну.
По-ударному закончим
Большевистскую весну.

Заклинит в полях работа,
Трактор песни запоет —
Мы должны работать вдвое
В боевой суровый год.

Мы вчера постановили
Выполнить задание,
И бригады все вступили
В соцсоревнование.

Неревыполним заданье,
Нормы новые дадим;
Мы, стахановцы колхоза,
Темпов наших не сдадим.

Не дадим мы хлеб ворам,
Не дадим пожарам,
Станем зорко сторожить
Колхозные амбары.

Будем честно мы работать
Всей колхозною семьей,

Наша армия родная
За советский бьется строй.

И высоким урожаем
Мы фашистам угрожаем.
Наши льны, пшеница, рожь
Их бросают в жар и дрожь.

Раньше срока хлеб посеять,
Раньше срока хлеб убрать!
Каждый колос, с поля снятый,
Близит с Гитлером расплату.

Выше темпы поднимайте,
Поддавайте всем пример!
Урожаем укрепляйте
Оборону СССР.

Чтоб рожь поднялась и пшеница
густая,

Каких еще мир не видал,
Чтоб наш дорогой и любимый Сталин
— Спасибо! — колхозу сказал.

Гремя же, колхозная песня,
На весь Советский край.
За труд наш, за дело геройства и чести,
За сталинский урожай!

Н. МЕРЦАЛЬСКИЙ

И С П Ы Т А Н И Е

(Комедия в одном действии)

Действующие лица:

Соколова — новый начальник.

Матрена — стряпуха.

Онуфрий — рабочий совхоза.

Полевой стан. Матрена варит обед для бригады рабочих совхоза.

Матрена (мурлычит): —

Между двух белых берез.

Между двух белых берез

Вода протекала,

Вода протекла-а-ла (смотрит вдаль).

Заработались ребята! И про обед забыли. (Заглянула в котел). Придется опять за водой идти, а то все щи выкипят.

Нельзя, нельзя воду пить...

(взяв ведро, уходит).

Соколова (подходит с другой стороны, проверяя яв ходу глубину вспашки). Двенадцать... двенадцать... восемь! Ай-ай-ай! Чей же это огрех? (Достает план участка). Блетка номер семнадцать... Сеет мое отделение, а пахали... пахали трактористы бригады Плотникова (Записывает в блокнот). Предъявим счет! (Подходит к котлу). Интересно, хорошо ли их кормят? (Заглядывает в котел). О! Жириные щи! Видать, калорийность высокая!

Матрена (возвращается).

Нельзя, нельзя воду пить,

Нельзя ее зачер...

(Увидев Соколову). Ты чего это в чужие щи свой непрошенный нос суешь? Иди, иди отсюда (хочет долить котел).

Соколова. Стой, ты зачем щи холодной водой доливаешь?

Матрена. А ты кто такая ешь, чтоб мне казывать?

Соколова. Отдельно воду вскипятить, а потом долей. Иначе мясо разварится, весь свой вкус потеряет.

Матрена. Вкус! Ишь ты. Есть когда нам в такое горячее время вкус разбирать! Иди лучше своей дорогой, нечего на наше мясо зариться! Знаю я вас!

Соколова. (Заглянув в свой блокнот). И я вас знаю, Матрена Егоровна товарищ Орешица.

Матрена (изумленно). Знаешь? Откуда-то знаешь? А я впервой тебя вижу! Может ты мне зубы заговариваешь, так я сейчас ребятам крикну, и... будьте здоровы!

Соколова. Три года тому назад вы посетили подавальщицей в столовую совхоза «Подсолнечный», а в прошлом году назначены в полевую кухню бригады номер два главным кулинаром.

Матрена. Все верно!.. И подавальщицей и на кухню, только кулеваром я с роду не была!

Соколова. Кулеваром, — стряпухой, значит!

Матрена. Тогда все верно!

Соколова. Сорок два года, беспартийная, вдова. Сын на фронте.

Матрена. Милые вы мои! Ровно в воду на меня глядела! Все знает!

Соколова. Теперь у меня должность такая — все надо знать.

Матрена. Фельдшерица, что ли?

Соколова. И по этой части разбираюсь.
Матрена Егоровна!

Матрена. Матрена Егоровна! Обходительная кака! (Ей). Зачем же вы к нам на поле пожаловали?

Соколова. С бригадой поговорить!

Матрена. Не советую! Сама знаешь, время какое! Сев! Когда наши сеют, так лучше к ним и не подступаться!

Соколова. Разговаривать не станут?

Матрена. Хуже!

Соколова (смеясь). Убьют?

Матрена (серьезно). Убьют не убьют, а... здорово луганут. Сплантовали в шесть ден отсеяться, а когда узнали, что гераймовская бригада с нами состязуется, порешили в четыре. А пнягче площадь-то вдвое больше прошлогоднего, сама знаешь — время военное. Надо хлеба больше для Красной Армии, для всей страны!

Соколова. А вдруг не выйдет в четыре?

Матрена (обиделась). Как же такое не выйдет! Не может этого быть, когда затempo в поле выезжают. Теперь гляди, солнце где? А мы еще не пообедали. (Соколова делает отметки в блокноте). Тебе, видать, делать нечего — только ходишь да записываешь. Был у нас начальником отделения Хохряков, тоже здоров был по полям ходить! Целый день из конца в конец с длинной тросточкой шпалал...

Соколова. И записывал?

Матрена. Записывать ничего не записывал, только всех от работы отрывает. Третьего дня сказали ему: дескать, шагай, мол, от нас подальше. С тем и ушел. Неизвестно, кто вместо его придет.

Соколова. Вместо него я пришла, Матрена Егоровна.

Матрена. Вы? Начальником отделения? Ах, ты! Где бригадир-то? Побегу связать.

Соколова. Не падо, Матрена Егоровна, бригадира от дела отрывать. Придет сюда обедать, тогда и поговорим.

Матрена. А вы сами-то откуда будете?

Соколова. Из техникума. Пойду — взгляну, как у них дела подвигаются... К обеду вернусь! (Уходит).

Матрена. Милости просим! (Вслех). А ложка-то есть у вас? Не слышит! Небось, не догадалась ложку взять. Ну, тогда я ей свою...

Онуфрий (влетает). Дай водички хлебнуть!

Матрена. Ффу! Напугал, оглашенный!

Онуфрий (пьет). Земля горит!

Матрена. Ах, ты, батюшки! Где горит-то?

Онуфрий. Жара! (пьет).

Матрена. Да где горит-то? Не томи ты.

Онуфрий. Под ногами у меня (пьет).

Матрена. Тыфу ты!

Онуфрий. Сколько вон от той большой кочки до нашей кузницы? Три километра с гаком. Так я их в три минуты покрыл! А сколько мне лет? Пятьдесят с гаком.

Матрена. Да что случилось-то у вас?

Онуфрий. Кольцо пополам! Дай еще хлебнуть. Сялка встала. Ну, Костянкин, значит, чтоб время не терять, — вручную, с лукошком пошел, а я схватил обломки, да в кузню. Покуда сваривают, я к тебе забежал. Дай хлебнуть.

Матрена. А вдруг не выйдет у нас в четыре-то дня?

Онуфрий. Эх, Матрена! Вдруг-то ты знаешь, что бывает? Мы ведь по плану работаем. Сообразительство свое выполняем.

Матрена. Смотрите! А то тут начальник приходил!..

Онуфрий. Какой начальник?

Матрена. Новый! К нам в отделение. Вместо Хохрякова.

Онуфрий. Молодой?

Матрена. Молодой! Она!

Онуфрий. Какая она? Я про начальника говорю.

Матрена. Да и я не про капусту.

Онуфрий. Баба?

Матрена. А что же? Нешто баба не человек?

Онуфрий. И не в тех смыслах, Матрена Егоровна. Я бабочек на всех путях нашей жизни прививаю, только...

Матрена. Что только? Не будь бабы— тебя на свете бы не было!

Онуфрий (успокоительно). И вас понимаю, Матрена Егоровна, только дело наше совхозное требует крепости телосложения, такой, к примеру, как у вас, и крепости характера, как у меня... Но, кроме всего прочего, необходимо полное понятие в жизни и вообще, что к чему в нашем деле.

Матрена. А почему ты знаешь, есть у нее понятие или нет? Девушка она молодая!..

Онуфрий. Ой, матушки!

Матрена. Городецкая!..

Онуфрий. Городецкая? На каблучках?

Матрена. Из техников... Все обучение прошла, разговаривает обходительно...

Онуфрий. Вас хлебом не корми, только поговорить дай. Язык без костей.

Матрена. У тебя больше костей: а вот начальником отделения ее назначили!

Онуфрий. Мало ли что назначили! А мы проверим — гонится или нет. Бруна у тебя есть?

Матрена. А как же! Целый мешок гречи на ужин привезли.

Онуфрий. А шу-ка, дай мне горсточку. (Берет и кладет в карман). Чего бы еще такую взять? (Берет горсть земли). Знаю я этих городецких! Ох, и смежу сейчас будет!

Матрена. Чего ты, Онуфрий, вздумал? Над молодым начальником насмешки строить? Да я...

Онуфрий. Молчи! Это не она идет?

Матрена. Она самая! Погляжу я, как она сейчас тебя вздрючит.

Онуфрий. Не рожься еще такой человек женского пола в городе, который бы больше Онуфрия по крестьянскому делу понятия имел! (Вышедшей Соколовой). С товарищем совхозным приветом, дорогая товарищица! Виску, ну сумали изучать дости-

жения полевой пропашной культуры, так сказать, химической техники и аграрной механики.

Соколова (удивляясь такому обороту речи, почувствовала скрытую насмешку, но сдержалась). Здравствуйте!

Онуфрий. Честь имею рапортовать: на участке второй бригады все растет, все цветет и обстоит благополучно.

Соколова. Не совсем благополучно. По этой земле надо на двенадцать сантиметров пахать, а трактористы вам целых два га на восемь сработали.

Онуфрий (Матрене). Успела проверить! Шустрая! (Соколовой). На косогоре и во всем много, потому солиднее...

Соколова. Тем более поглубже надо. Заставим перепахать.

Онуфрий. Мы — люди темные. Коли надо — сами перелашем... Где наше не пропадало!

Соколова. Ничего здесь не пропадет. Не беспокойтесь.

Онуфрий. А мы и не беспокоимся, дорогая товарищица! Погода хорошая, над нами не каплет. Неделки через три управимся с севом, а потом все заново перелашем и будем урежая дожидаться.

Матрена. Что ты лещешь, Онуфрий Иванович...

Онуфрий (тихо). Молчи! (Громко). Чего несу-то? Да элеватор в починке, Матрена Егоровна. (Тихо). Молчи-и!

Соколова (шепотом). Хорошая погода простоят у нас, Онуфрий Иванович, не больше одной шестидневки. Наша метеорологическая станция советует всем отделениям поторопиться с севом.

Онуфрий. Пить ты! И про погоду справляйся! (Громко). Люди добрые говорят: поспешить — людей насмешить. Вот мы и не спешим. И сам я, как видите, больше на кухне прохлаждаюсь. Верно, Матрена Егоровна? Верно!

Соколова. А как колечко от сеялки на кулине сварят, я думаю вы от своей бригады не отстанете.

Онуфрий (ошеломлен). И это знает! (Матрене). Дай водички хлебнуть. (Соколовой). Смеюсь я, товарищ дорогой. Действительно верно! Не гуляю я здесь, а за делом пришел. Овса для сеялки не хватило. Забыли один мешок в поле доставить. (Показывает мешок гречи). Ну, как вы, одобряете наш семенной овес? Или вот этот, которым мы в прошлом году сеяли, получше будет? (Достает из кармана горсть гречи). Как по-вашему, дорогой товарищ?

Матрена. Да как тебе...

Онуфрий (ей). Молчи!

Соколова (про себя). Прозиданиий экзамен!

Онуфрий. В лаборатории нам сказывали, что этот овес протравленный, а этот просто мореный. Но который из них с научной точки зрения к нашему климату подходящий — не выяснили. Может вы нас, как человек городской, ученый, на ум наставите?

Соколова. И тот овес замечательный, и этот знатный овес!

Онуфрий (радостно Матрене). Слушай. слушай!

Соколова. Но в нашем совхозе надо сеять мореный (показывает).

Онуфрий. Правильно! В одно со мной вы слово! (Матрене). Я тебе говорил! (Достает из кармана землю). У нас не только овес, у нас и вика что-нибудь особенное! Медовата маленько, но зато цвет!

Соколова. Замечательный цвет! Прямо — кофе с молоком! Ни в одном совхозе я такой вика не видывала.

Онуфрий. И не увидите нигде! (Матрене). Никакого понятия!

Соколова. Интересно, как эта вика на вкус? (Берет у Онуфрия землю и делает вид, что жует ее). Горьковата маленько, да ничего. Попробуйте сами. Онуфрий Иванович, не стесняйтесь. Вика надо всегда на вкус определять.

Матрена. Пробуй, пробуй, тебе говорят. Определяй!

Онуфрий (берет землю в рот). Никогда не слыхала я...

Соколова Ну, как, Онуфрий Иванович, хорошая?

Онуфрий (выплывая). Хороша. Дай водички хлебнуть. Мы вообще, дорогой товарищ, по семенам впереди всех совхозов идем. (Матрене, с трудом сдерживающей смех). Ничего смешного тут нет! (Соколовой). А почему? Потому что мы по-научному к делу подходим. Другие возьмут эту вика и прямо сеют. А мы нет! Мы сначала ее кипяточком опширим... (Подмигивает Матрене).

Матрена. Чего морга...

Онуфрий (перебивая). Правильно, Матрена Егоровна! Чего марганцем сделать нельзя — формальдегидом достигашь.

Соколова. Молодцы! До этого, действительно, кроме вас, еще никто не додумался. Но все-таки такие меры для большого урожая недостаточны. Такую вика надо после кипяточка с формалином еще на масле поджаривать.

Онуфрий (оторопел). Как поджаривать? (Матрена фыркнула, отошла в сторону и закатилась смехом).

Соколова. Обязательно поджаривать! А потом сушить и мелко толочь.

Онуфрий. Сушить? И толочь? Дай водички... (Матрене). Обрадовалась! (Соколовой). Ну, что ж. Попробуем сушить. Дайте только нам форменный наряд, мы всю бригаду на это дело бросим.

Соколова. С удовольствием. А сейчас берите этот мешок овса, заряжайте сеялку... кетати и кольцо уже сваряли. (Уходит за кольцом. За спиной). Спасибо, товарищ кузнец!

Матрена. Ха-ха-ха!!

Онуфрий. Засохни!

Соколова (возвращается с кольцом). Пошли, Онуфрий Иванович. Вы сами будете сеять, а я с бригадиром — вам помогать.

Онуфрий. И думаю... этот овес лучше всего зимой посеять. Под пар.

Соколова. Зимой под пар — само собой. А сейчас мы засеём летний опытный участок имени Онуфрия Ивановича, который считает себя здесь единственным ученым специалистом сельского хозяйства. Берите мешок.

Матрена (испуганно). Не дам я кашу губить!

Соколова. Это не каша, — это овес, не правда ли, Онуфрий Иванович?

Онуфрий. Это... это греча, товарищ начальник. Все я наврал. Проверить хотел... испытать ваши знания:

Соколова. Ну, и что же?

Онуфрий. Осрамился я, товарищ начальник.

Матрена. А что я тебе говорил?

Онуфрий. Прощенья прошу.. Побегу досевать.

Матрена. Стой! А обед! Выкипят щи, весь вкус потеряют.

Онуфрий. Вкус? Ишь ты, о чем заботиться стала!

Соколова. Зови бригаду, Онуфрий Иванович. Нельзя по тринадцать часов без обеда работать. (Матрена колотит в доску).

Онуфрий. Уж вы, товарищ начальник, не рассказывайте ребятам, сделайте милость, как я вместо кани землю жевал! (Матрене). Буде смеяться-то!

Матрена. Не горюй, Онуфрий Иванович, засмеет бригада, так я тебя к себе на кухню возьму. Лягушек гонять. Я ведь теперь тоже начальник — куленар.

Онуфрий. Дай водички!

БЕСЕДА ДЕДА НЕФЕДА

Здравствуйте, товарищи! Привет вам от деда Нефедя! Пришел я сюда на беседу. Что-то мне сегодня дома не сидится. Лучше, думаю, на людей подивиться. Себя, старика, показать, да разные истории рассказать.

Слышали, люди, про фашистские порядки? Бегут шасильники от нас без оглядки. Вымораживают бандитов красные бойцы. Мерзнут в полях немецкие подлецы: голые да пьяные, голодные да драные. Это и есть хваленые вояки?!

Зато не умолкают гитлеровские враки. «Мы, говорят, вовсе не отступаем, а зимние квартиры подбираем».

«Ври, Емеля, твоя шеделя!». Не долго срок до фашистского конца, уничтожим каждого злодея-подлеца. Припомните мои, стариковы, слова — слетит у Гитлера с плеч голова!

В письмах на фронт сообщают обиды разные там немки — Эльзы и Фриды:

«Жизнь наша окаменная,
Обувь носим деревянную,
Кушаем сосиски из печенки собачьей
Да по убитым на фронте плачем».

А обратно, с востока летит ответ:

«У наших солдат и сосисок нет.

Разуты, раздеты.

Страшен враг.

Приходит нашему Гитлеру крах».

Так-то переписываются фашистские вояки и их родные...

А мы получаем с фронта письма иные: о подвигах наших храбрых бойцов, о том, как фашистских бьют подлецов, как слава советских гвардейцев растет, о том, как пехота в атаку идет. Нам пишут бойцы... И сегодня в ответ мы смелым героям отправим привет.

Давайте-ка вместе письмо составлять, чтоб в армию нашим ребятам послать.

«Полевая почтовая станция. Номер сороковой.

Шлем вам, друзья, привет боевой!

Все живы, здоровы и вам того желаем,

Наказ колхозный посылаем:

— Бейте врагов без сожаления,

Гоните их с нашей земли без промедления!

А уж мы постараемся работать как надо — стахановской будет каждая бригада. Дадим в достатке хлеба и другого продовольствия для вашего довольствия.

Пока на полях не растаял снег, по ударному готовимся к большевистской весне. Чтоб хлеба больше имела страна, засыпаем хорошие семена. Удобрений и инвентаря — сколько надо, не даром работали наши бригады. Хоть народу и меньше в колхозе имеем, а во-время вспашем и посеем. С людской силой — не пропадем, каждому работу найдем.

Анна — на сеялке,
Марья — на веселке,
Настасья — за плугом пойдет,
Агафья — трактор поведет,
Алена — бригадиром
Управлять всем миром.
А подростки боронить поедут
По совету деда Нефеда.
Так-то оно и будет,
На то мы и советские, дружные люди!

Заканчивая письмо, посоветуем фронтовикам крепко ударить фашистов по рукам, чтоб каждый виновый немецкий подлец в могилу нашел свой последний копей.

Вот о чем я хотел рассказать вам, ребята! Пусть ваши дела будут в порядке. Меня, старика, не забывайте, и как готовитесь к севу — сообщайте. На этом свое выступление кончаю, дружной работы в колхозе желаю.

Вы — на полях, а бойцы — в бою будем страну защищать свою!

ПОД ГАРМОШКУ

(Частушки)

Расборчужем мы болота,
Уничтожим лебеду.
По-военному работать
Надо в нынешнем году!

Выезжай на поле, трактор,
На колесах на своих.
У меня такой характер,
Чтоб работать за троих.

Эх, братик—в строй,
Заменяю я брата:
Я в колхозе выращу
Урожай богатый.

От Москвы отбили гада,
От Ростова гнали вон.
Скоро Гитлера отряды
Доживут до... похорон.

Мы за родину свободную
И жизни не шадим,
Нашей силой народной
Фашистов победим.

Мы работать не устали
По-военному сейчас.
Дорогой товарищ СТАЛИН,
Выполняем твой приказ!

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Составлен А. В. Бадаевым

А. В. КОЛЬЦОВ.

У Р О Ж А Й

Красным полыхнет
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную.
Тучь черная
Понахмурилась.

Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого...

Ополчается
Гроном, бурей,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой!

Ополчилась, —
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
На посмотрятся.

Выше пояса
Рожь-зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли.

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветером по ней
Плывет-лоснится.
Золотой волной
Разбегается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю почву
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко стоят,
Подняв головы.

В. МАЯКОВСКИЙ

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ

(Стривок)

Добьемся урожая мы,—
втройне,
земля, рожай!

Пожалте,
уважаемый

Товарищ урожай!..

Земля у нас хорошая,

Землица не плоха,

да надобно

под рожь ее

Заранее вспахать...

Раскроем складов завали.

От всех

ответь ждем,

Чтоб тракторы не ржавели

Выпустю под дождем.

Поля
пройдут науку
под ветром-игруном.

Даешь
на дружбу руку,

Товарищ агроном!

Земля

не хочет более

терпеть

плохой уход,—

готовься, комсомолия,
в передовой поход...

Добьемся урожая мы,—

Втройне,

земля,

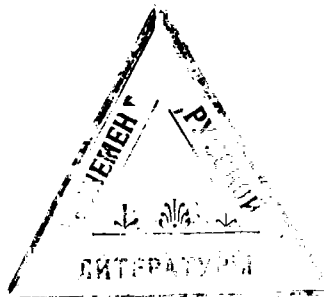
рожай!

Пожалте,

уважаемый

товарищ урожай!

1929 г.

БЛИЗОК СОВЕТСКИЙ МАЙ

Близок советский май,
К севу готовься, край!
Утром весенним чистое семя
В землю сырую бросай!

Тракторы из гаража,
Рвись; пыхтя и дроя
Хлебом весенним поле засею,
Нынче весна хороша!

Слушай, весенний
колхоз,
роюты рязных
гроз!
выйдите все вы
ширить посева,
после посева —
повос.

З рокоте
залных громов
уку даешь,
уроном!
борозды пашен
ыбжелтим нашним
ысовосортным зерном.

Дай городам,
страна,
тысячи тонн
зерна.
Техникой новой,
спайкой здоровой
наша коммуна
сильна.

Нынче весна
хороша,
втрое, земляца,
рожай!
Если к целинам
тракторы движем —
будет двойной
урожай!

Близок
советский май!
К севу
Готовься, край!
Утром весенним
чистое семя
в землю сырую
бросай.

(Из репертуарной листовки № 9 Архатгельского ЛНТ).

ПРО УДАРНИЦ ПЕСНИ НОВЫЕ

(Народные частушки)

Из колодца вся деревня
Ключевую воду пьет.
Вся деревня про ударниц
Песни новые поет.

Девки рады, бабы рады
Красной Армии служить:
Хлеб, оружие и снаряды
Красной Армии добыть.

Ты зvonчeй играй, гармошка,
Ну, подруженька, подной!
Остается дней немножко
До весенней посеvной.

Гармонист, играй по чести,
Настроенье выражай;
Будем мы бороться вместе
За вывoжкий урожай.

Вьется шаль, моя шаль,
Золотые кисти;
Знаю, будет урожай!
Нудикoсь на триста.

Вся моя бригада рада,
Мы закончили ремонт,
Инвентарь у нас в бригаде
На участки завезен.

Ранний пар я поднимала
И в колхозе славилась:
В землю влагу запасала,
Чтобы рожь кудрявилась.

На колхозные поля
Трактор выезжает;
Им колхозница моя
Смело управляет.

За рулем сижу на тракторе,
А милый из войны.
Я боялась — не справлюся,
А справилась вполне.

Маша пашенку распашет,
И огрехов не выдать.
Научилась подрута
По-стахановски пахать.

Я с подружкой соревнуюсь,
Вызываю и прошу:
«Выезжай пораньше в поле,
Погляди, как я пашу».

От ребят я отставала
Прошлый год на посеvной.
В эту зиму постаралась
Стать в звене передовой.

Я по почте перелетной
Письмо в армию пошлю,
Похвалюсь, что я на курсах
Апромпипимум учу.

Много звездочек на небе,
Одна ярче всех горит.
Много девушек-ударниц,
Их моя страна растит.

Все идem одной дорогой,
Любим родину свою;
Видя трудности, не дрогнем
Ни в труде, и ние в бою!

(Из сборника „Урожаем укрепляйте оборону СССР“, изд. Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР, г. Томск, 1942 г.).

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СТЕПАН ЗАВГОРОДНЫЙ

ЗаклЮчение

ПАРТИЗАНЫ, ВПЕРЕД!

„В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия“.

И. Сталин.

Свершилось злодеяние
Чудовищно-кошмарное,
Невиданно-огромное,
Неслыханно-коварное.
Фашистски-вероломное:
Идущими ко дну,
На гибель обреченными,
Рассудком помраченными
Немецкими фашистами,
Руками их нечистыми,
Мы втянуты в кровавую,
Ответную, защитную
Народную войну.

* * *

Предела нет бесчестию
Фашистского отряда.
Взбесились кровожадные
Злодеи беспощадные
Бандиты-палачи.
И пажити советские,
Сады, луга росистые,
И нивы золотистые,
И сладкие бахчи
Подверглись злОму бедствию,
Внезапному шашечному
И пешей и летающей,

Всю зелень поедающей.
Коричневой, прожорливой
Фашистской саранчи.

* * *

Вся нечисть саранчовая
Подлет, как спалаеда,
Летит, как одурелая:
Зима страшна ей нова,
Голодная, суровая.
Не выдержать зимы!
Она довоебалася.
От рока немисходного,
От мора от голодного
Она уйти пыталася,
Во все концы металася,
Чужой едой питалася,
Насильно, не взаимы,
Все, все вокруг да около
Брала; ничем не брезгуя,
До нищенской сумы, —
Культурнейшие ценности
По-варварски раскокала;
А все ей нету прибыли.
Все не уйти от гибели.
Как вору — от тюрьмы.
А рядом — нивы тучные,

Места благополучные,
Края зерном обильные;
Но, их оберегаючи,
Храпя, как от чумы,
От покушенья вражьего,
Народной силой верною,
Но в обороне грозною
В строю стояли — мы.

* * *

Злой саранче, изморенной,
Приманкой раззадоренной,
Не стало больше выхода.
Фашистское отчаянье,
А не избыток сил,
Вот тучу саранчовую
Что на народ наш бросило
Искать судьбы ускоренной:
Жратвы или... могил!
Мы саранче ответили,
Ее мы боем встретили,
В могилах нет откату ей,
Но хлеба — не даем.

Стальной, бронзкованной,
Всей нашей грозной силою,
Живой, организованной,
Врагу не уступающей,
С днем каждым нарастающей,
Мы саранчу фашистскую
И наступаю, бьем ее,
И отступаю, бьем.
Уж до миллиона выбили,
Добьем и до пяти.
Нет, от конечной гибели
Фашистам не уйти!

* * *

Народ, в себе уверенный,
Историей проверенный.
С какими Чингис-ханами,
С какими великанами,
С Наполеоном — шутка ли! —
Мы встречный бой вели.
Народ в себе уверенный,
Мы, сколь ни зарывались
Враги к нам в глубь российской,
На миг не отрывались
От временно утерянной

Своей родной земли.
С «двенадцатью языками»
И с полководцем-гением
Народ наш бился иламенно,
С особенным умением,
С отвагой партизанскою
Озлобленных крестьян.
В тылу наполеоновском,
Где мародеры грабили
Крестьян, в тылу оставшихся
(По-ихнему «пейзан»),
Отряды мародерские
Бежали в диком ужасе
При крике: «партизан!»
От партизан грабителям
Тогда весьма досталось,
Но мало их осталось
Лежать в земле сырой, —
От партизанской удалы
Дух падал в войске вражеском,
И с каждым часом — худо ли! —
Редел военный строй.

* * *

В любой войне — и в нынешней —
Успехи все военные —
Успехи переменные:
Там — враг теснит нас бешено,
Здесь — мы тесним врага,
И если в нашу сторону
Пока ветнула вышукло
Фашистско-вражьей линии
Военная дуга,
Ужо мы постараемся,
Мы силы набираемся
И знаем толк в вещах:
Враг нам скоро свяжется
И не в дуге окажется.
А в огненных клешнях!

* * *

Весь мир дивится доблести
Советской Красной Армии,
Ее особой стойкости,
Еще ни где фашистами
Не виданной досель.
Ее неотразимые
Кроваво-смертоносные
Удары по противнику
Видали мы не все ль!

Она под вражьем натиском,
Боварно подготовленным,
От вероломной сволочи
Геройски отбивается
И — силой наливается
Народно-боевой.
День недалек решительный,
Когда полки фашистские
Те, что еще останутся
При общей их гибели,
Помчат назад стремительно,
Поднявши жалкий вой.

До той поры, товарищи,
Ротные братья, кровные,
Все, кто подвергся участи
Нечальнейшей, но временной —
Терпеть грабеж-насилие
Во вражеском тылу,
Примите к сердцу братскому
Слова мои любовные,
Все то, что мною сказано
Стеналу Завгороднему,
Его упорной стойкости
И партизанской удали
И в честь и в похвалу.
Припикнитесь верою
В победу дела нашего,
Святого дела, правого.
Народ, в себе уверенный, —

Как не сдавали ране мы,
Так и теперь мы выдержим,
Не пошадим в фашистскую
Лихую кабалу.
Вооружитесь мужеством
И гневным словом Сталина,
Из самых первых первого
Бойца за нашу родину,
Отца родного нашего,
Великого, могучего,
Уверенно-бесстрашного
И презорливо-мудрого
Народного вождя.
Всею силой партизанскою
Ударьте по насильнику,
Для счастья нашей родины
Ни сил своих утраченных,
Ни жизни не щадя!

Всею силой партизанскою
Обруньтесь на захватчика,
Чтоб, дрогнув, он почувствовал,
Что нет ему спасения
Там, где народ весь борется,
Где каждое прикрытие,
Где каждый кустик маленький
Ему свинец дарит,
Где небо раскалилось,
Где воздух пылнет пламенем,
Где под фашистской нечистью
Сама земля горит!

ЧОРТОВО БОЛОТО

(Сценка в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ежиков Василий Петрович

„Профессор“ (диверсант-парашютист)

С револьвером в руках входит «профессор». За плечами у него сумка, в другой руке — сачок для ловли бабочек.

Профессор (смастравляется). Никого нет... До деревни тут километров двадцать... С воздуха это казалось много ближе... Идиоты с их инструкциями! «Уничтожив парашют, вы пересечете болото по лесной тропе... После взрыва моста вы принимаете меры...». Меры! Я должен принять меры, чтобы спасти свою жизнь! Я три дня кружусь в этом проклятом болоте... Распухла нога... Комары выпили всю кровь... Я должен был спуститься вот здесь — у лесной сторожки. На высоте тысячи метров... (Достает карту). Боковой ветер... Меня с парашютом отнесло восточнее... (Прислушивается, сжимает револьвер в руке, смотрит за кулисы) Старик... Один... (Прячет револьвер).

Ежиков (входит). Э! Да никак у меня гости.

Профессор (с акцентом). Вы здесь хозяин?

Ежиков. Он самый! Василий Петров Ежиков. Состою тут при пасеке. Вы откуда к нам на болото пожаловали? Из города, что ли?

Профессор. О да! Я латвийский ученый.

Ежиков. Латвия? Это слышал. Недавно, значит, присоединенная местность.

Профессор. Я профессор-энтомолог.

Ежиков. Как? Энтомолог? Что-то не слышал.

Профессор. Это есть наука о насекомых... жучок... бабочки...

Ежиков. Понимаем. Стало быть, по насекомой части? Вот и мое дело тоже такое. Пчела... Очень полезное насекомое. Стало быть, насекомых у нас на болоте промышленяете?

Профессор. О да! Я ловил бабочек так и вот так... (Демонстрирует ловлю бабочек сачком). И я отстал от нашей ученой экспедиции. Я немного заблуждался... Заблудился...

Ежиков. Это ничего удивительного нет. У нас на болоте, если дороги не знаешь, в два счета заблудиться. Не зря ему название Чортovo болото. Верно, что чортово! Стало быть будете профессор?

Профессор. Я могу показать документы.

Ежиков. Какие тут у нас на болоте могут быть документы! Я ученого человека сразу могу признать. По разговору обнаруживается. Прошлым летом астрономы на затмение солнца приезжали. Целая ученая комиссия, оных иностранцев пять человек. Из сельсовета — сразу за мной на пасеку: «Выручай, Василий Петров!» Да... Был я, значит, при астрономах главным проводником и старшим переводчиком. Очень остались довольные. «Затмилось, — говорят, — полностью, лучше быть не может!» Будьте спокойны! Уж если я за что возьмусь, сделаю... Я извиняюсь, товарищ профессор, не знаю вашего имени отчества...

Профессор. Вот, пожалуйста. Тут есть моя визитная карточка. (Передает карточку).

Ежиков (читает). «Профессор Лазорайнис, вице-председатель энтомологического общества, почетный член ассоциации «Друзья птиц», член-корреспондент... ученый секретарь...». И пр... и др... и еще и тече... (В сторону) Гм... шшь ты!.. I тече... И я буду — Ежиков Василий Петров, пчеловод, а звание мое... Это мы сейчас. (Достаёт членские книжки). Член ЦОПРа — раз... Член Осоавиахима, член ревизионной комиссии, член санитарной группы.

Профессор. О!

Ежиков. Корреспондент газеты «Пчеловод», ну и тече и тече... Будем знакомы.

Профессор. О! (Достаёт портсигар). Будьте. Это русские папиросы «Зефир».

Ежиков. Спасибо. А вы моего попробуйте. Тоже «фирменный табачок. Название ему «тютюн самосад-самокроше» Ну, как?

Профессор (курит, кашляет). О-о! Очень крепко.

Ежиков. Табачок любительский! Лучшие лет его на болоте курить, — комар прямо на лету дохнет. Да вы, товарищ профессор, сняли бы свою амуницию. Сейчас самоварчик вскипячу, чайку с медом попьём.

Профессор. О нет! Я должен потераниваться... Наша экспедиция ушла к реке.

Ежиков. К реке? Через болото? Да как же выли через болото? Через наше болото, по-настоящему, и ходу-то нет.

Профессор. Мне говорили, что туда есть маленькая дорожка, как это? Трощинка.

Ежиков. Охотничья тропа, верно, есть, только вам туда хода нет. Пельзя вас туда допустить. Ни-ни!

Профессор. О!.. Кто будет меня не пу-скасть?

Ежиков. Кто? Да я первый не пушу.

Профессор. Вы?.. О, вы пошутили?

Ежиков. Какие там шутки! Не пушу, и все тут!

Профессор. Вы хотите меня задержать? Вы?

Ежиков. Я. Обязательно задержу.

Профессор. Но! Я уйду!

Ежиков. Нет, не пойдете! (загораживает дорогу). Не пушу, и думать бросьте! Стойте! Куда? Не пушу!

Профессор. Довольно шутить. (Достаёт револьвер).

Ежиков. Вы кого это думаете стрелять? Сороку? Бросьте. Птица нестоящая. Спрячьте пистолетик-то. А то ещё, грехом, выстрелит. Вы меня послушайте: одному вам трою или за что не пайти, заблудитесь и пропадете ни за грош, ни за копейку... Но Чортову болоту без проводника — ни-ни!

Профессор (услоканывается, прячет револьвер). О да, я понимаю! Курите, пожалуйста! Скажите, а если я буду вас напимать проводником? Вы согласны?

Ежиков. Что же, это можно. Я тут шестой десяток живу — все места знаю. Право, ну! И по научной части приходилось. Профессоров на затмении провожал. Могу и проводником, могу и переводчиком на всех языках. Вэри вэлд, мистер! Нес! А если потребуется шпрелен зи дейч, можно и дейч.

Профессор (недозрительно). Я не понимаю по-немецки.

Ежиков. Проведить, конечно, можно... Только оно не с руки... Пчела роится...

Профессор. Я буду вам уплачивать деньги... триста рублей.

Ежиков. Триста?.. Что ж, триста рублей — деньги хорошие... Право ну! Опять же, должен сказать учелому полное содействее. Эх, была не была! Ну, гут! Пошли. Отдыхайте, а завтра по хелолку и в поход.

Профессор. О нет! Я не могу терять времени. Мы должны уходить сегодня.

Ежиков. Ну, что же, можно и сегодня. Сейчас вскипятим самоварчик, личницу потжарим, закуслим...

Профессор. Я должен поспешить.

Ежиков. Самоварчик я бы в два счета.

Профессор. Нет! Я не могу ожидать.

Ежинов. Ну, нет, так нет! Раз наука требует — ничего не поделаешь. Только вот переобуюсь. По Чортову болоту итти — это не по проспекту. Чортова дорожка! Того и гляди, без сапог придешь.

Профессор. Я буду добавлять сто рублей на сапоги. Только поторапливайтесь...

Ежинов. Покорнейше благодарим! Вы не сомневайтесь, я в два счета (снимает сапоги).

Профессор. Как тут у вас... Э... Спокойно?

Ежинов. Полное спокойствие.

Профессор. Но сейчас война.

Ежинов. Война? Ну, фронт, он далеко, может триста верст до этого самого фронта. Да меня война и не касается. Мое дело мирное, возле пчелы... (Возится с сапогами).

Профессор. Вы готовы?

Ежинов. Момент, только обуюсь. Дорога-то не близкая... Нам с вами по болоту итти да итти.

Профессор. Как это далеко? Какое расстояние до реки?

Ежинов. До реки? Расстояние, можно сказать, приблизительное: и как итти. Право ну!

Профессор. Мы скоро можем уходить?

Ежинов. В два счета! (Хромает). Только вот что-то чого неловко. Переобуться, что ли (садится). Так и есть! Портяпка завернулась. Сейчас. Это вы не сомневайтесь. Все будет в порядке! Право ну! Вот оно, какая история — мозоль! Товарищ профессор, и отчего это по лауке бывают мозоли?

Профессор. Поспешайте!

Ежинов. Да я только обуюсь! Стало быть, получить мне с вас четыреста целковых. Деньги хорошие, ничего не скажешь. Можно штуки три ульев купить. Вот я хотел спросить, товарищ профессор, как у вас за границей насчет ульев? Далавские ставят или еще какие?

Профессор. Вы готовы? Вы будете итти?

Ежинов. Сию минуту! В два счета. Только вот разуюсь. По болоту самое лучшее босиком... Итти легче... Право, ну! Ну, что такое — не лезет! (Ныхтя, снимает сапог). Скажи, пожалуйста! Как куда спешить, так он, подлый, и не лезет. Возьм не пускает.

Профессор. О, чорт!

Ежинов. Не сомневайтесь! У меня это в два счета. Только вот обуюсь... Право, ну! А то на тропе — змей этих, беда! Сейчас только другой сапог... Мы это по-военному... Ну, скажи! Теперь этот не лезет! (прыгая и натягивая сапог, смотрит за кулисы в стороны) Ага! Ну, наконец-то! (делает знак).

Профессор (тоже настороженно смотрит за кулисы). Красноармейцы: Негодяй! (вынимает револьвер и направляет его в спину Ежинова). Молчать! Ни слова! Убью!

Ежинов. Вы чего? Не беспокойтесь, это же своя красноармейцы. Тоже по тропе пойдут... Вот и мы с ними, за компанию... Право, ну! Веселее будет! Я сейчас кликну!..

Профессор. Молчать! Я буду стрелять!..

Ежинов. Ни-ни! Насчет стрельбы тут у нас строго. Спрячьте пистолетик. Время военное, могут быть неприятности. Право, ну! Уберите, а то еще, грехом, выстрелите.

Профессор. Молчать, тес... Молчать! Я должен проходить тайно!

Ежинов. Тайно? Ну? Ишь ты, какая, значит, история?.. Тайно... А мне и невдомек... Так бы сразу и сказали... Да спрячьте вы пистолет... Фу ты! За четыреста рублей такую страсть перепоить...

Профессор. Вы будете получать тысячу...

Ежинов. Разве что тысячу... Это, конечно, сумма денег (суетится). Ну, раз дело тайное, то тут расслаживаться нечего... Скорее! В два счета, чтобы по-воен-

ному. (Огородом выведу... тайно... (Суетится). Только скорее! Фу ты! Пронадешь с вами! Сетку забирайте! Жучков, жучков не забудьте! А мешочек через плечо. Дайте, помогу. Ручку сюда просуньте. Стало быть, тысячу... Сумма денег. Теперь другую... Дайте, поддержку pistolетик!.. (Разглядывает револьвер). Заграничный, видно, револьверчик, чистая работа. Почему покупали?

Профессор. Нужно уходить быстро. Дайте.

Ежиков. Нет, пусть лучше у меня побудет, а то вы еще выстрелите. Пп-ии! и вы просите — не отдам!

Профессор. Что это значит — вы хотите пошутить?

Ежиков. Отчего бы не пошутить? Я старик веселый. Но-но! Не хватайтесь! Я щекопливый!

Профессор (схватывает зубы). О!

Ежиков. Не «о», а так точно. Теперь дело — гут. (Профессор бросается на Ежикова).

(Направляет на профессора револьвер). Садитесь! Садитесь, а то! И чтобы мне сидеть смирно, без баловства! И не надо меня пугать, а то еще с перешуга из этой штуки пальну. Неприятность будет. Право, ну-ну! Стало быть, тысячу?... А может, теперь добавите?

Профессор. Отпускайте... Вы будете получать десять тысяч... Все, что я имею.

Ежиков. Десять тысяч. Хорошие деньги. Тут подумать можно... Ну, что ж, свести можно. Право, ну! Отчего ж не свести человека?... Места тут мне знакомые... Можно, конечно, свести. Да только я так счастлив: незачем вам к реке по белому идти. Там возле моста красноармейская застава... И что вас туда представить, что сейчас НКВД сдать — все одно. (Профессор пытается освободиться). Вресьте шутить! А то как бы мне, ворно, грехом, не выстрелить. Чего себя зря утруждать! Ребята из НКВД — вот они. Глядите, возле копей стоят. (За кулисы). Товарищи! Сюда! Эх, ты, дура! Да я за тобой третий день по следу иду да по болоту кружу. Как только ты с парашютом на болото сел, я сразу Петьку — внука на село с извещением послал. Две деревни тебя ищут. Назокомый профессор! (С погодованием). Десять тысяч даешь? Ты, гал, кого покупаешь? Советского человека? Дешево даешь. Давай миллион! Чего? Мелких нет? Эх, ты, дура! Хозяина на своей земле покупаешь?! Нужно в людях разбираться, а еще профессорские документы! Ну, будет! Нешли! Идут тебя. Шпрехен зи дейч, понимаешь? Или вперед, гадока!

Уходят. (Занавес)

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

(Поэма)

ВСТУПЛЕНИЕ

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Проходи, мой стих путем победным,
Чтобы, изучая, не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!

Проилывут гвардейские знамена,
И ракеты вспыхнут на пути,
Каждого гвардейца поименно
Пригласив в бессмертные войны.

Вытирая о ступеньки поги,
Он взойдет тихонько на крыльцу,
Он войдет и встанет на пороге
Песни, посвященной храбрцу.

Бледный и усталый от сраженья,
Он войдет и скажет на ходу:
«Я в грязи, а здесь — стихотворенье!
Лучше я, товарищи, уйду!»

Оставайся! Мы тебя не пустим!
Здесь твой дом! И здесь твоя семья!
Лучшая учительница чувствам —
Русская застенчивость твоя!

Домовитый, мужественный, честный
Но-хозяйски посмотри вокруг.
Песня без хозяина — не песня!
Будь ее хозяином, мой друг!

Потому что каждая страница —
Мужества широкие поля,
Песнями, легендами, пышницей
Русская богатая земля!

Заходи же! Ты имеешь право!
Ты бессмертен! Ты — хозяин тут,
Потому что реки нашей славы
В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротой рота
В смертный бой, и впереди взгляни —
Большевистской партии высоты,
Комсомола яркое огни!

КОМСОМОЛ

Комсомол! Это слово давно
Произносится мной нарраспев,
Это партии — ранний посев,
ВКП золотое зерно.

Старость начисто юность сметет,
Я до старости чуть не дошел,
Слышу — мужество в марше идет.
Оборачиваюсь — комсомол!

Ты меня через годы провел,
Терпеливо учи сочинять...
Мне б до старости славу догнать!
Задыхаясь, догнал — комсомол!

Ты и Слава и Мужество ты!
Ты — большое семейство одно.

Поднимаясь горам на хребты,
Опускаясь ущельям на дно.

Через снег, через топи болот
Миллион комсомольцев идет.
Это выдумать даже нельзя,
Чтобы были такие друзья!

Коммунист! Комсомолец! Боец!
Нам назад отступать не дано!
И тогда двадцать восемь сердец
Застучали, как сердце одно.

И тогда молодой политрук
Посмотрел на себя, на ребят —
Двадцать восемь протянутых рук,
Двадцать восемь взвешенных гранат!

КОГДА УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого почтения
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашие!

С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут счевицы,
Сжигнитесь, березы, пад нами!

Идем, политруком ведомы.
К победе и смерти готовы...
Эх, жаль, что далеко до дому
И ворон — не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
По станет невеста вдовою...
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской почной тишиною
Покрыта Тамбовская область...
За мною, гвардейцы, за мною!
На подвиг, на славу, на доблесть.

Заснежена наша избучка,
Малышечка играет с собакой...
Гвардейцы! Фашиста — на мушкету!
За мною гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не увидимся, будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлук — минута,
А родине — все остальное!

Мы жили семьею счастливой,
Мы прожили век, не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...

Все ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!

Друзья! Мы не будем забыты!
По капле всю кровь свою отдав,
Мы были почетною свитой
Союза советских народов!

Лети же последняя пуля,
И в горло тевтонское вбейся...
Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

ЗАВЕЩАНИЕ

Ушла гвардейская семья,
И расспросить об этом некогда...
Вставай, фантазия моя,
На пост разъезда Дубосеково.

По пятам землю осмотри
В снегах молчания угрюмого,
И каждый подвиг повтори,
Бессильная сама выдумывать!

Ты собери по капле кровь,
Поля полями невеселыми,
Чтоб стали двадцать восемь вновь
Земли советской новоселами.

Не устилай поля атак
Ни горестью и ни печальями...
Гвардеец скажет: — Нет! Не так,
А веселее умирали мы!

Достоинство смерть свою встречал.
Как будто жизнь встречает заново.
Так — я свидетель — умираю
Мой друг Крючков Абрам Иванович.

Сознав, что сделал все, что мог,
Спокойно, как всегда, как давеча,
Недвижно Добробабин лег —
Так смерть нашла Иван Евстафьича.

По веселее всех бойцов,
Как будто сто сердец в груди его,
Погиб наш политрук Ключков,
Которого я знал, как Диева!

Пусть мне сто лет прожить сулят,
Пусть вечность поднесут на блюдечке,
Я политрука и ребят
Покину, только мертвым будучи!

И Шепеткова — земляка,
И Сенгирбаева — татарина —
Но только жизнь одна пока
Бойцу с рождения подарена.
И мне, дружок не по плечу
Наш общий подвиг обнародовать,
И только жизнь свою хочу
В гвардейской схватке израсходовать.

Враги зарылись под огнем,
И некуда, проклятым, деться им —
Земля на тыщи верст крутом
Полна советскими гвардейцами!

Смоют о нас в краю родном,
И мжет строчка в лето выльется
И обо мне, как об одном
Из двадцати восьми панфиловцев.

Я в полный рост шагал сквозь дым,
Це встал ни разу на колени я —
Так передай друзьям своим
И остальному поколению.

Поэт! Приветствуй мой народ,
Поздравь его с победой скорою...
Так гвардия идет вперед,
Так продолжается История!

ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Гвардейцы! Мы прожили годы не зря,
Недаром в сражения шли!
Над нами не раз поднималась зоря —
Гвардейское знамя земли.

Родная страна провожала бойца
Прощались — и не было слез,
Когда уносили мы наши сердца
От русских, от белых берез.

В бою неустанно — опять и опять —
Гвардейское наше житье!

И смерть удивилась, не в силах
повясть,

Что так презирают ее!

Мы шли через воду, огонь и картечь
Родную страну защитить,
Как сказку, которую надо беречь,
Которую век не забыть!

Не знать отступлений, всегда
наступать —

Такая привычка у нас!
И Сталин еще не успел подписать —
Гвардеец исполнил приказ!

Вот так мы сражаемся, дышим, живем
Великой гвардейской семьей.
Придем мы к победе и в песню войдем,
Как люди приходят домой!

ПИСЬМО

Мы с утра занимаем окоп,
Бочку каждую оберегая...
И далеко и ты далеко...
Что ты скажешь, моя дорогая?

Много смерти
И много огня,
Много кровью набухшего поля...
Ты навряд ли увидишь меня...
Как ты думаешь, милая Поля?

Ты уйми свое девичье горе,
Ты пойми, что поднявшись в атаку,
Твой любимый Петренко Григорий
Не хотел, чтобы кто-нибудь плакал!

Пусть я буду убит напоказ,
Вспомниай о гвардейце без плача...
Он любимую родную звал
И тебя называл не иначе.

Сколько в Республике нашей
Раздолья
И сколько похожей на нас
Молодежи!

На Север до полюса
(Похоже на «Поля»).

На Запад до Польши
(Тоже похоже)!

Протянулось пространство
Далеко на Восток
(Блажды речки изгиб,
Будто твой локоток).

Над Воронежем (думаю)
Падает снег
(Там, где девичий твой
Приготовлен воячек).

А южно, небось,
Очень много тепла
(Будто ты там жила,
Или только была)...

Смерть идет через снежный туман,
И наши головы селя вокруг.
Вот упал Добрабаши Иран.
Вот лежит —недвижим—политрук.

Вот склонился к плечу моему
Сенгирбаев — сподвижник мой

старый...

(Я никак не пойму, почему
Воевать с Россией татары).

Мы лежим под свинцовым дождем,
И простое желанье у нас:
Жаль, что Сталин узнает потом,
Я б хотел, чтоб узнал он сейчас!

За стеною кремлевских зубцов
Он склонился, за битвой следя,
И легли на портреты бойцов
Огорченные руки вождя...

И вот мы лежим —
Все двадцать восемь —
Будто погибает
Одна семья...

Помни о нас —
Мы тебя очень просим,
Кровь моя!
Любовь моя!
Дорогая моя!

Гвардейцы, в атаку! Прощай
Некогда...
Запомни навек
Политрука слова:
— Велика Россия, а отступать

некуда —

Позади — Москва!..

* * *

Проходит ночь. Шум боя стих...
К утру бойцы оцепенели.
Заря окутывает их
Своей сияющей шинелью.

САЛЮТ

К утру огонь пулеметов ослаб,
И гул минометов стих...
Горе мое пролетает в штаб,
Минутя всех часовых.

Командный пункт. Пустой блиндаж,
Глухой коридор земля
Безмолвен... Скажи, часовой, куда ж,
Куда же они ушли.

Черной стеною стоят леса,
Снежный лежат простор...
Ушел батальон, ушел комиссар,
Ушел генерал-майор.

Бойцам отдают последний привет,
Вздают посмертную честь.
Оркестры нет и траура нет,
Молчанье гвардейца есть!

И это молчанье, выйдя в бой,
Дивизии опередив,
Взорвется над вражеской головой,
Как ста Германний разрыв.

Мы в этих складках сомкнутых губ
Такую месть храним,
Такую боль, что нехватит труб,
Когда мы заговорим,

И в зал проективный бойцы салют
И ненависть, месть и боль...
Товарищ начальник! В общий салют
И этим стихам позволь!

И если в поэме выучки нет,
Обучи ее и поправь,

Чтобы строем гвардейским шел поэт,
Смертию смерть поправ.

Чтобы песня вперед устремилась,
Лобовую атакой гремела,
Чтобы все, что на миге, — задымилось,
Чтобы все, что во мне, — записало!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир наступил, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Всё, что мы сейчас переживаем,
Мы вспоминальям отдадим.

Мы пойдем путем подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых ступеней,
Сладость завоеванных побед.

Но минуте каждой повторится
Наш сегодняшний военный день,
И мгновенно память озарится
Пламенем горящих деревьев.

И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведет нас за собой,
Пробираясь темными ночами
Темной партизанскою тропой.

Вспомним, как мы время измеряли
По движенью пулеметных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.

Как стихи писали, как на место
Останавливалось перо
В ожидании утренних известий
От Советского Информбюро.

Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообща,
Как шипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.

В этом гуле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их;
Навсегда на сердце отпечатав
Имела погибших и живых...

И, чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Послушайте на руки детей.

Чтоб они, войдя веселым строем
В наши завоеванные дны,
Заучились подражать герою,
Поступали так же, как они!

КОЛХОЗНЫЕ ЧАСТУШКИ

Растяну гармонику шире,
Пусть девчата подпеют,
Чтобы знали во всем мире,
Как колхозники живут.

Будут новым урожаем
Закрома завалены
Мы живем теперь в колхозе
По уставу Сталина!

Приходи, весна красна,
Времецко весеннее.
Сталин к счастью нас ведет
По зветам Ленина.

Машинисты-трактористы
На селе теперь в чести.
Машиниста-тракториста
Надо в гости привести.

Пап отец, великий Сталин,
Смотрит зорко из Кремля:
Нет ли в поле где орехов?
Вся ли вспахана земля?

Шире, улица, раздайся,
Тракторам доропу дай!
Приказал бороться Сталин
За высокий урожай.

Раньше дома я считалась
Никуда работницей,

А теперь в своем колхозе
Стала пятисотницей.

Я в колхозе бригадирша,
Сердце, ой, волнуется!
Моя первая бригада
С третьей соревнуется.

Милка фермой управляет,
Красный орден на груди,
К такой девушке хорошей
Мне приятно подойти.

Раскудрявая береза
Выше крыши тянется,
Моя милка во колхозу
Первая ударница.

Позабыла пшынче я
Горе и работушку:
Сына в ясли отнесу,
Сама — на работушку!

Рассадила я в саду
Черную смородину.
На фашистов я пойду
За советскую родину.

Эх, бей, боты,
Разбивай, боты
Мой братишка стал
Командир роты.

(Из альманаха „Творчество народов СССР“, издание редакции „Правда“ 1938 г.)

НАРОДНЫЕ ЧАСТУШКИ

Раньше кто идет в солдаты,
Провожают — все режут.
А теперь девчата плачут,
Что на фронт их не берут.

Прочитала я газету —
Очень интересно:
Нашим славным самолетам
Стало в небе тесно.

Я храбриться зря не стану,
Когда надо услужу,
Я бойцу любую рану
На войне перевяжу.

Будем честно мы трудиться —
Нашу родину крепить,
Мы врагов советской власти
Били, бьем и будем бить.

В наш советский огород
Слушу нос фашистский сброд;
Это даже не вопрос —
Мы отрубим этот нос.

Ты, спаряд, лети, лети
До чужого берега,
Постарайся на пути
Уколонить Германга.

Милый мой летит высоко,
Милый мой фашистов бьет,

Милый мой не просто сокол, —
Он и сокол и пилот.

Гитлер-гад вошел в азарт:
Я, мол, новый Бонапарт.
Ныбгй страшен нам едва ли, —
Мы и старого бивали.

Гад фашистский возмечтал
Захватить у нас металл,
Что ж, найдем для наглеца
Мы и стали и свинца.

Захотел фашист напасть
Да на наше счастье,
Мы любую вражью часть
Разорвем на части.

Там погибнет вор-фашист,
Где проедет наш танкист,
От врагов одни остатки
Оставляют наши танки.

Вражья сила будет бита,
Будет враг лежать в пыли,
А фашистского бандита,
Мы сотрем с лица земли.

Боевое наше знамя
Пронесем со славой,
И победе быть за нами, —
Наше дело — правое.

Ч А С Т У Ш К И

- Маня.** Как на нашей МТС
Электричество горит.
Развивать животноводство
Наша партия велит.
- Таня.** Я доярка молодая—
Почетное звание.
Расскажу, как выполняю
Партии задание.
- Маня.** И телят растить умею,
Все растут, как елочки,
Как ребеночка, жалею
Каждого теленочка.
- Таня.** Сепаратор наш гудит,
Сливки отбиваются,
Наша ферма по району
Первою считается.
- Вместе.** Мы—ударницы-свилярки,
Ни на что не поглядим,
- Маня.** Свиноводческую ферму
Мы в колхозе создадим.
- Маня.** Небольшая у нас ферма,
Ну, а пользы много в ней:
Откормили мы наставу
Триста семьдесят свиней.
- Таня.** Развели гусей и уток,
Индюков.— большой приплод.
Много яиц, перьев, пуху
Мы получим в этот год.
- Маня.** Таня фермой управляет,
Красный орден на груди,
К такой девушке хорошей
Всем приятно подойти.
- Таня.** Моя Машенька—доярка
Из колхоза делегаткой
Во Кремле в Москве была,
Чай со Сталиным пила.

(Из репертуарной листовки № 9 Архангельского ДНТ).

ПЕТР БЕЛОВ

КОЛХОЗНАЯ ПОСЕВНАЯ

(На мотив „Марш женских бригад“ муз. Дунаевского,
из кинофильма „Богатая невеста“)

I

Опять в окно повисло весною,
И нас зовут колхозные поля,
Идем! Идем походной молодею,
Задорной песней душу веселя.

Припев:

А ну-ка, жепушки! Покажем Гитлеру,
Что мы сочтемся скоро с ним,
И каждым зернышком, как метаем
выстрелом,
Врага добить поможем мы своим!

II

У нас мужья давно на поле брани,
За ружья взялись дети и отцы,

(Из репертуарной листовки № 9 Архангельского ДНТ).

А мы врага грохнуть пшеницей станем, —
Мы тоже Красной Армии бойцы.

Припев

III

Мы рук своих теперь не покладем,
И Гитлер это видит, трепеща,
Боец — штыком, колхозник — урожаем.
Победу добывают сообща.

Припев

IV

Мы сеем хлеб с особой любовью,
И нам земля сторицей отдает,
А кто пришел засеять землю кровью,
Тот гибель и проклятие пожнет.

Припев

ЧАСТУШКИ КОЛХОЗНИКОВ ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНОВ

(Собраны в дд. Пупово, Желны, Милятино участницей агитбригады Эммой Трейвас)

Эй, товарищи, внимание!

Начинаю петь «страданье».

Я частушки пропою

Про великую войну.

Распроклятая Германия

Затеяла войну.

Мы фашистов бить готовы

И на фронте, и в тылу.

Я девочка молодая,

У меня милой притомж,

И в работе боевая,

А он на меня похож.

Я свой белецкий платочек

Не стану повязывать:

Пошлю милому на фронт

Раны перевязывать.

У мого милого плечи

Вроде нашей русской печи.

Со с таким большим плечом

Пять фашистов нишпочом.

Как мой милый в Красной Армии

Воюет на коню,

Я в колхозе на работе

От него не отстаю,

У нас в деревне Пупово

Ни одного нет глухого,

Все ребята на войне,

А мы работаем втройне.

(Сборник „Урожаем укрепляйте оборону СССР“ изд. Комитета по делам искусств при СНК СССР, г. Томск, 1942 г.).

III. ПРИМЕЧАНИЕ

Цель и назначение настоящего сборника — дать художественный материал, необходимый для работы в наших художественных коллективах в дни посевной кампании 1942 года. Поэтому все приведенные в сборнике произведения, рассчитанные в общем на часовое-получасовое выступление, могут быть показаны на любой площадке: в клубе, в избачитальне, непосредственно в поле и т. д.

Первая часть сборника отведена специально написанному монтажу к посевной, а вторая часть («дополнительный материал») дает произведения, которые при желании и необходимости могут быть или введенными в самый монтаж, или идти дополнительно во втором отделении вечера, в зависимости от условий.

Организацией художественных коллективов или агитбригад на местах необходимо заняться немедленно, причем количество участников в каждой бригаде должно быть небольшое, и лучше из всего актива того или иного художественного коллектива организовать несколько бригад, обслуживающих в одно и то же время несколько пунктов. Само собой разумеется, что на местах в дополнительную часть могут быть введены новые литературные и драматургические произведения, отвечающие актуально данному вопросу о

посевной и о днях отечественной войны. Можно ввести новую пьесу, стихотворение, рассказ, пение, пляски и т. п. Должно хорошо использовать местный материал, для этого есть прекрасная форма — частушки.

В сборнике приведена одна песня, но в программу можно включить и те советские песни, которые уже рабучены в вашем хоровом кружке; из песен желательно такие, например, как: «Поднимайся, народ» — Лебедева-Кумача, «Поднимайтесь, советские люди» — Волженина, «Священная война», — и ряд других. Желательно сольное пение.

В программу показа необходимо ввести и пляску. При пении частушек можно допускать припляс, перепляс, но вообще пляски могут быть и самостоятельным номером программы, например: пляска русская, гопака, флотская и т. п.

Большое значение для показа имеет наличие в агитбригадах баяниста, гармониста, а также ведущего программу. Постановка должна быть простой. Декораций не надо, а в костюмах и приемах давать лишь детали: рубаху, сарафан, бороду, парик и т. п.

Начинается программа кратким выступлением ведущих (при чем одного «веду-

щего» может играть «Дед Нефед», он же может потом читать раек, и, кроме того, он же может исполнять роль Ежикова в пьесе «Чоргово болото». Так вот, после вступления выходят (желательно под музыку) все участвующие (8—10 человек) и говорят «Марш-парад»: разбивка на голоса уже видна из напечатанного текста. На голоса и на общий хор разбивка и «Передовая», при чем фигурное построение может по ходу чтения меняться: то строгая линия вдоль рамы сцены всех участников, то перегруппировка на диагональ и на различные фигуры.

Пьесы «Испытание» и «Чоргово болото» не требуют особых декораций: один-два стула, или скамья, вот и вся обстановка.

Программа должна идти в приподнятом темпе, оживленно, с хорошим качеством; без задержки один номер должен следовать за другим, т. е., пока один выполняет, другие уже подготовились, а ведущий все увязывает своим объяснением, подготавливая зрителя к следующему номеру; чтобы успеть переодеться, можно выпустить перед занавесом чтение стихотворения, сказа, райка и т. д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Театрализованный монтаж к посевной

(Составлен В. А. Ситовым)

Марш-парад	3
Передовая „Больше продовольствия и сырья для армии и страны“	4
О. Васильев. За высокий урожай	6
Н. Мерцальский. Испытание. Ком. в 1 действии	8
Беседа деда Нефедя	13
Под гармошку (частушки)	15

II. Дополнительный материал

(Составлен А. В. Бадаевым).

А. В. Кольцов. Урожай	16
В. Маяковский. Урожайный марш (отрывок)	17
Близок советский май	18
Народные частушки. (Про ударниц песни новые)	19
Д. Бедный. Глава „Партизаны вперед!“—из поэмы „Степан Завгородный“	20
В. Квасницкий. Чортово болото. Сценка в 1 действии	23
М. Светлов. Двадцать восемь. Поэма	27
Колхозные частушки	32
Народные частушки	33
Частушки	34
П. Белов. Колхозная посевная	35
Частушки колхозников прифронтовых районов	36

III. Примечание,

Заметка А. В. Бадаева	37

Ответственный за выпуск *Б. Я. Каган*

ГЕ15090. Сдано в набор 22/IV—42 г. Подписано к печати 25/V—42 г.
Размер бум. 64×86. Печ.л. 2,5. Зн. в п. л. 51800. Тираж 2000 экз. Зак. 1330.

Вологда, тип. изд-ва „Красный Север“, ул. К. Маркса, 70.